

Працэ славянiзацыi, а пазней беларусiзцыi балцкага насельнiцтва пасля прыняцця каталiцтва, не прыпынiўся. Першымi паддалiся асiмiляцыi i перайшлi на беларускую мову балты, пражываваўшыя ў iзалiраваных паселiшчах у цэнтральнай i усходняй Беларусi (патомкi дняпроўскiх балтаў) [2, с.118].

Як нам здаецца, к пачатку XVII ст. балта-славянская этнiчная мяжа праходзiла прыкладна па лiнii: Радунь – Iўе – Лiда – Крэва – Смаргонь – Паставы – Браслаў. Потым працэс балта-славянскага ўзаемадзеяння прыпынiўся амаль на 200 гадоў i лiнiя гэта захоўвалася аж да пачатку XIX стагоддзя. Тлумачылася гэта значным вынiшчэннем як беларускага так i лiтоўскага насельнiцтва ў войнах сяр. XVII i пач.XVIII ст.ст. З сярэдзiны XIX ст. на беларускую мову пачало пераходзiць насельнiцтва тэрыторыi былых аўкштайтаў. У вынiку католiкi амаль ўсёй Беларусi i Вiленскага краю да пачатку XX ст. перайшлi на беларускую мову. Аднак у некаторых раёнах да сёняшняга часу засталiся вёскi з лiтоўскiм насельнiцтвам [3, с.143].

Заклучэнне. Такiм чынам галоўнай высновай нашай работы з'яўляецца доказ таго, што сённяшняе беларускае католiкi ёсць патомкi найбольш старажытных жыхароў нашай краiны – балцкiх плямён. Застаўшыся на сваёй адвечнай тэрыторыi, пасля прыходу славян, яны доўгi час захоўвалi сваю мову i язычнiцкую рэлігiю. Многiя паддалiся славянiзацыi i хрысцiянiзацыi, але да канца XIV ст. захавалiся яшчэ вялiкiя групы балцкагазычнiцкага насельнiцтва – галоўным чынам на паўночным захадзе Беларусi i ў iзалiраваных “астраўках” сярод праваслаўных. У XV–XVI ст.пасля Крэўскай унii яны прымаюць каталiцкую рэлігiю, але паступова страчваюць родную мову, пераходзяць на беларускую.

Гiсторыя з'яўлення каталiцызму з'яўляецца вельмi важнай часткай гiсторыi Беларусi. Сучасная карта рэлігiй у Рэспублiцы Беларусь паказвае складаны працэс балта-славянскага ўзаемадзеяння на працягу многiх стагоддзяў. Ёсць упэўненасць, што мiжнацыянальная i мiжканфесiйная згода назаўсёды будзе панаваць у нашым грамадстве i садзейнiчаць далейшаму паступальнаму развiццю нашай краiны ў XXI стагоддзi.

1. Гаучас П. К вопросу о восточных и южных границах литовской этнической территории в средневековье / П. Гаучас. – Москва: Наука, 1988. – 328 с.
2. Зверуго Я.Г. Славяно-балтские связи в раннем средневековье (по материалам Белоруссии) /Я.Г.Зверуго. – Вильнюс, 1985. – 255 с.
3. Зинкявичус З. Восточная Литва в прошлом и настоящем /З.Зинкявичус. – Вильнюс, 1996. – 355 с.
4. Седов В.В. Днепровские балты. Проблема этногенеза и этнической истории балтов / В.В.Седов. – Вильнюс, 1985. – 218 с.
5. Энциклапедыя гiсторыi Беларусi: у 6 т. /пад. рэд. М.Ткачова.– Мiнск: Беларуская энциклапедыя iмя Петруся Броўкi, 1993 – 2003.

ПОРТСМУТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР

Шишкин Д.А.

студент 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Моторова Н.С., канд. ист. наук, доцент

В конце XIX в. обострились отношения между Россией и Японией за первенство в Дальневосточном регионе. Интересы двух стран пересеклись на территории Кореи, которая обладала богатыми природными и рабочими ресурсами. Обе страны желали включить ее в свою сферу влияния. Конфликт постепенно разрастался и привел к войне 1904–1905 гг. Боевые действия велись как на суше, так и на море. Во время войны активно использовался военный флот, впервые начали активно применять миноносцы. Кроме того Русско-японская война показала всю эффективность артиллерии, что повлияло на дальнейшее развитие военной стратегии. Все вышележащее обуславливает актуальность выбранной темы.

Цель данного исследования заключается в оценке итогов Русско-японской войны.

Материал и методы. Исследование подготовлено на основании анализа воспоминаний С.Ю. Витте, возглавлявшего российскую делегацию на переговорах в Портсмуте, а также документов, опубликованных в «Красном архиве». При его проведении использовались общенаучные методы исследования (сравнение, анализ, синтез) и специально-исторические (историко-генетический и историко-сравнительный).

Результаты и их обсуждение. Начиная войну с Россией, Япония рассчитывала на быструю победу, вести затяжную войну она не могла. Поэтому свои первые требования японцы подготовили летом 1904 г. на волне первых военных успехов. Япония планировала потребовать у России уплаты контрибуции, признать Корею зоной влияния Японии, вывести свои войска из

Маньчжурии, передать Японии Ляодунский полуостров, остров Сахалин и ЮМЖД от Харбина до Порт-Артура, гарантировать свободное плавание Японцев по Амуру и права рыбной ловли в прибрежных водах России, а также открыть часть портов для иностранцев. Исходя из перечней условий, стало видно, что Япония поставила себе цель достичь полного господства на всем Дальнем Востоке. Россия также рассчитывала на победу в войне. Она планировала присоединить территории Маньчжурии и Кореи. Поэтому переговоры 1904 г. сразу же зашли в тупик. Николай II и его окружение не было склонно к мирным переговорам [3, с. 16–17].

Последующие попытки наладить диалог двух держав, ввиду нежелания обеих идти на уступки и веру в собственные силы были обречены на провал.

Ситуация изменилась летом 1905 г. Обе страны понесли ощутимые потери. В результате крупных наступлений Япония потеряла свои лучшие войска и продвинулась вглубь материка, началась проблема со снабжением. Союзники Японии Англия и США отказали предоставить своему восточному партнеру очередной кредит. Японии ничего не осталось, как искать мира с противником.

Россия в результате многочисленных отступлений также понесла серьезные потери, но продолжила наращивание военной мощи в регионе.

Ситуация особенно накалилась после поражения эскадры З.П. Рожественского в Цусимском заливе. Франция, Германия и США начали активно призывать Россию и Японию к началу переговорного процесса.

26 мая 1905 г. Т. Рузвельт направил Николаю II официальное письмо с предложением о посредничестве. 30 мая 1905 г. Петербург дал положительный ответ.

По совету С.Ю. Витте площадкой для переговоров была выбрана Америка: «... было бы всего удобнее съехаться в месте не далеко от театра военных действий...» [1, с. 353–354].

Роль главы российской делегации была предложена С.Ю. Витте, однако ранее аналогичные предложения были направлены послу во Франции А.И. Нелидову и послу в Риме Н.В. Муравьеву. Оба отказались от предложения императора, сославшись на состояние здоровья [1, с. 355].

С.Ю. Витте в ходе поездки активно включился в работу с прессой, склоняя американскую общественность на сторону России. Позже в своих воспоминаниях С.Ю. Витте отмечал, что это существенно повлияло на исход переговоров [1, с. 377].

27 июля 1905 г. в Портсмуте начались переговоры. На следующий день Япония выдвинула свои требования. Россия должна была признать Корею сферой интересов Японии, вывести российские войска с территории Маньчжурии, передать остров Сахалин, Порт-Артур и Южно-Маньчжурскую железную дорогу Японии. Кроме того, она обязана была выплатить контрибуцию и предоставить право рыбной ловли японским судам в своих прибрежных районах. Так же Япония потребовала сократить морские силы России в регионе [3, с. 24–25].

Ответ России прозвучал 30 июля 1905 г. Петербург согласился лишь на признание преимущества Японии в Корее и уступку части Квантуна [2, с. 29].

Дальнейшие переговоры вокруг следующих вопросов: передачи Японии острова Сахалин, положения русских интернированных судов, выплаты контрибуции Японии и ограничения морских сил России на Дальнем Востоке.

Николай II занял жесткую позицию в отношении мира с Японией: «Ни пяди земли, ни копейки вознаграждения...» [2, с. 36]. Даже попытка главы русской делегации повлиять на ближайшее окружение императора не имели результатов.

Неожиданно для всех Япония отказал от притязаний на интернированные суда и ограничения морских сил России в регионе. Кроме того, она предложила вернуть России часть Сахалина за 1.2 млрд. иен [3, с. 26].

Однако решающую роль играл вопрос о контрибуции, который имел принципиальный характер для российского императора: «Я предпочитаю временно лишиться территории, чем унижить страну уплатой контрибуции как побежденную нацию» [3, с. 27]. Николай II принял решения продолжать войну. «Пошлите Витте мое приказание завтра во всяком случае окончить переговоры. Я предпочитаю продолжать войну, нежели дожидаться милостивых уступок со стороны Японии» [3, с. 28].

Это распоряжение русская делегация получила ночью 16 августа 1905 г. Но к этому времени японцы уже сообщили о своей готовностью полностью принять условия России. Такое решение стало полной неожиданностью для всех. Соответствующая телеграмма была направлены в Санкт-

Петербург: «Условия: отказ Японии контрибуции, судов, ограничения морских сил, уступка нами Сахалина по 50-ю параллель, остальные, как известно. Телеграфировано правительствам прекращения военных действий и поручении главнокомандующим заключить перемирие. Полное согласие японцев для всех здесь совершенная неожиданность...» [2, с.40–41].

Заключение. Таким образом, условия Портсмутского мирного договора стали самым большим и единственным успехом России в ходе русско-японской войны. Потеря части Сахалина, несомненно, подталкивало русских военных к реваншу. Да и сам Николай II считал, что его империя скоро оправится от понесенных потерь и вернет себе утраченные земли. На исход переговоров значительное влияние оказала личность С.Ю. Витте, дипломатические способности которого привели к заключению выгодного для России мирного соглашения.

1. Витте, С.Ю. Избранные воспоминания. 1849 – 1911 гг. [Электронный ресурс] / С.Ю. Витте. – М.: Мысль, 1991. – 718 с.
2. Красный архив: исторический журнал [Электронный ресурс]. – 1924. – Т. 6. – 265 с.
3. Лукоянов, И.В. Портсмутский мир / И.В. Лукоянов // Вопросы истории. – 2007. – №2. – С. 16–33.

ВОЕННЫЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Шишковец В.Д.

*студент 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Николаева И.В., канд. ист. наук, доцент*

Проблема коллаборационизма советских граждан принадлежит к числу наиболее сложных в истории Великой Отечественной войны. Долгое время тема сотрудничества советских граждан с врагом оставалась запретной для советского исследователя. Существенные изменения общественно-политического характера начала 1990-х годов стимулировали изучение запрещенных тем военной истории, среди которых выделяется проблема антисоветских вооруженных формирований в годы Второй мировой войны.

Цель исследования – анализ истории изучения проблемы военного коллаборационизма на оккупированной территории Беларуси.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили работы отечественных и зарубежных историков, посвященных изучению военного аспекта коллаборационизма. Были использованы историко-генетический и историко-сравнительный методы исторического познания.

Результаты и их обсуждение. Весь комплекс работ, так или иначе относящихся к интересующей нас теме, условно можно разделить на несколько групп: советская историография, исследования отечественных историков (1991 г. – начала XXI в.) и зарубежные издания.

Отношение к коллаборационизму в СССР сводилось исключительно к предательству, в связи с этим проблема сотрудничества местного населения с оккупантами не получила широкого освещения в исторической литературе данного периода. Вместе с тем полностью обойти тему сотрудничества в годы Великой Отечественной войны советская историография не могла. В рамках существовавшей официальной идеологии советские историки дозированно использовали документальные материалы, которые преимущественно являлись закрытыми, не используя сам термин «коллаборационизм» применительно к оккупированной территории Советского Союза, ограничиваясь при этом негативными оценками и констатацией незначительности этого явления. Важный вклад в освещение проблемы внес В.Ф. Романовский, его монография «Саўдзельнікі ў злачынствах» вплоть до 1990-х годов была практически единственной работой по обобщению и систематизации проблематики коллаборации на примере Беларуси [1].

В результате изменения общественно-политической ситуации в начале 1990-х г. для исследователей на постсоветском пространстве появились новые задачи и перспективы: опираясь на достижения предыдущих лет, продолжить изучение истории Великой Отечественной войны на основе новых, недоступных ранее материалов, используя новые подходы.

Феномену коллаборационизма, его особенностям и масштабам, а также значению этого явления на оккупированной территории Беларуси посвятил свою работу И.Ю. Сервачинский, анализируя основные формы сотрудничества, автор обратился в том числе к характеристике военного коллаборационизма [2]. Новые методологические подходы позволили А.М. Литвину в своем диссертационном исследовании на основе широкого круга отечественных и зарубежных